

Челкаш — эпизод 11 из 13

Едем на берег...

И вот они снова в лодке. Челкаш на руле, Гаврила на веслах. Над ними небо, серое, ровно затянутое тучами, и лодкой играет мутно-зеленое море, шумно подбрасывая ее на волнах, пока еще мелких, весело бросающих в борта светлые, соленые брызги. Далеко по носу лодки видна желтая полоса песчаного берега, а за кормой уходит вдаль море, изрытое стаями волн, убранных пышной белой пеной. Там же, вдали, видно много судов; далеко влево целый лес мачт и белые груды домов города. Оттуда по морю льется глухой гул, рокочущий и вместе с плеском волн создающий хорошую, сильную музыку... И на все наброшена тонкая пелена пепельного тумана, отдаляющего предметы друг от друга...

Эх, разыграется к вечеру-то добре! кивнул Челкаш головой на море.

Буря? спросил Гаврила, мощно бороздя волны веслами. Он был уже мокр с головы до ног от этих брызг, разбрасываемых по морю ветром.

Эге!.. подтвердил Челкаш.

Гаврила пытливо посмотрел на него...

Ну, сколько ж тебе дали? спросил он наконец, видя, что Челкаш не собирается начать разговора.

Вот! сказал Челкаш, протягивая Гавриле что-то, вынутое из кармана.

Гаврила увидел пестрые бумажки, и все в его глазах приняло яркие, радужные оттенки.

Эх!.. А я ведь думал; врал ты мне!.. Это сколько?

Пятьсот сорок!

Л-ловко!.. прошептал Гаврила, жадными глазами провожая пятьсот сорок, снова спрятанные в карман. Э-эх-ма!.. Кабы такие деньги!.. И он угнетенно вздохнул.

Гульнем мы с тобой, парнюга! с восхищением вскрикнул Челкаш. Эх, хватим... Не думай, я тебе, брат, отделю... Сорок отделю! а? Доволен? Хочешь, сейчас дам?

Коли не обидно тебе что же? Я приму!

Гаврила весь трепетал от ожидания, острого, сосавшего ему грудь.

Ах ты, чертова кукла! Приму! Прими, брат, пожалуйста! Очень я тебя прошу, прими! Не знаю я, куда мне такую кучу денег девать! Избавь ты меня, прими-ка, на!..

Челкаш протянул Гавриле несколько бумажек. Тот взял их дрожащей рукой, бросил весла и стал прятать куда-то за пазуху, жадно сощутив глаза, шумно

втягивая в себя воздух, точно пил что-то жгучее. Челкаш с насмешливой улыбкой поглядывал на него. А Гаврила уже снова схватил весла и греб нервно, торопливо, точно пугаясь чего-то и опустив глаза вниз. У него вздрагивали плечи и уши.

А жаден ты!.. Нехорошо... Впрочем, что же?.. Крестьянин... задумчиво сказал Челкаш.

Да ведь с деньгами-то что можно сделать!.. воскликнул Гаврила, вдруг весь вспыхивая страстным возбуждением. И он отрывисто, торопясь, точно догоняя свои мысли и с лету хватая слова, заговорил о жизни в деревне с деньгами и без денег. Почет, довольство, веселье!..

Челкаш слушал его внимательно, с серьезным лицом и с глазами, сощуренными какой-то думой. По временам он улыбался довольной улыбкой. Приехали! прервал он речь Гаврилы.

Волна подхватила лодку и ловко ткнула ее в песок.

Ну, брат, теперь кончено. Лодку нужно вытащить подальше, чтобы не смыло. Придут за ней. А мы с тобой прощай!.. Отсюда до города верст восемь. Ты что, опять в город вернешься? а?

На лице Челкаша сияла добродушно-хитрая улыбка, и весь он имел вид человека, задумавшего нечто весьма приятное для себя и неожиданное для Гаврилы. Засунув руку в карман, он шелестел там бумажками.

Нет... я... не пойду... я... Гаврила задышался и давился чем-то.

Челкаш посмотрел на него.

Что это тебя корчит? спросил он.

Так... Но лицо Гаврилы то краснело, то делалось серым, и он мялся на месте, не то желая броситься на Челкаша, не то разрываемый иным желанием, исполнить которое ему было трудно.

Челкашу стало не по себе при виде такого возбуждения в этом парне. Он ждал, чем оно разразится.

Гаврила начал как-то странно смеяться смехом, похожим на рыдание. Голова его была опущена, выражения его лица Челкаш не видал, смутно видны были только уши Гаврилы, то красневшие, то бледневшие.

Ну тя к черту! махнул рукой Челкаш. Влюбился ты в меня, что ли? Мнется, как девка!.. Али расставанье со мной тошно? Эй, сосун! Говори, что ты? А то уйду я!..

Уходишь?! звонко крикнул Гаврила.

Песчаный и пустынный берег дрогнул от его крика, и намытые волнами моря желтые волны песку точно всколыхнулись. Дрогнул и Челкаш. Вдруг Гаврила сорвался с своего места, бросился к ногам Челкаша, обнял их своими руками и дернул к себе. Челкаш пошатнулся, грузно сел на песок и, скрипнув зубами, резко взмахнул в воздухе своей длинной рукой, сжатой в кулак. Но он не успел

ударить, остановленный стыдливым и просительным шепотом Гаврилы: Голубчик!.. Дай ты мне эти деньги! Дай, Христа ради! Что они тебе?.. Ведь в одну ночь только в ночь... А мне года нужны... Дай молиться за тебя буду! Вечно в трех церквах о спасении души твоей!.. Ведь ты их на ветер... а я бы к земле! Эх, дай мне их! Что в них тебе?.. Али тебе дорого? Ночь одна и богат! Сделай доброе дело! Пропаций ведь ты... Нет тебе пути... А я бы ох! Дай ты их мне!

Челкаш, испуганный, изумленный и озлобленный, сидел на песке, откинувшись назад и упираясь в него руками, сидел, молчал и страшно таращил глаза на парня, уткнувшегося головой в его колени и шептавшего, задыхаясь, свои мольбы. Он оттолкнул его, наконец вскочил на ноги и, сунув руку в карман, бросил в Гаврилу бумажки.

На! Жри... крикнул он, дрожа от возбуждения, острой жалости и ненависти к этому жадному рабу. И, бросив деньги, он почувствовал себя героем.

Сам я хотел тебе больше дать. Разжалобился вчера я, вспомнил деревню...

Подумал: дай помогу парню. Ждал я, что ты сделаешь, попросишь нет? А ты...

Эх, войлок! Нищий!.. Разве из-за денег можно так истязать себя? Дурак!

Жадные черти!.. Себя не помнят... За пятак себя продаете!..

Голубчик!.. Спаси Христос тебя! Ведь это теперь у меня что?.. я теперь...

богач!.. визжал Гаврила в восторге, вздрагивая и пряча деньги за пазуху. Эх ты, милый!..